

— Ты поспи ещё, — Янь Хан снял футболку и, потянувшись к шкафу, начал искать одежду. — Думаю, до полудня проспишь. Всю ночь ведь глаз не сомкнул.

— Ты знал? — Чу И смотрел на мягкие, но отчетливо очерченные мышцы на спине Янь Хана.

— Еще бы, — Янь Хан натянул лонгслив и обернулся. — Я слышал, как ты ворочался. Завтрак готовить не буду, как выспишься — сам встанешь и сходишь перекусить.

— Угу. — Чу И сидел на кровати, поджав под себя ноги, и кивнул.

Проводив взглядом Янь Хана, вышедшего из спальни, и дождавшись звука закрывающейся входной двери, он снова откинулся на подушку и машинально обнял ту, на которой спал Янь Хан.

Осознав, что прижимается к подушке и зарывается в нее лицом, он на мгновение испугался, но на место не положил — лишь крепче прижал к себе.

Последние два дня наплыв гостей в отеле бил все рекорды, в основном все столы были забронированы, и посетителей «с улицы» приходилось разворачивать. Янь Хан чувствовал, что ноги гудят от усталости, и мечтал, как по окончании праздников найдет время сходить на массаж.

Но сильнее физической усталости его изматывала необъяснимая тревога.

Он не знал, виноваты ли в этом два бессонных дня, из-за которых мерещилась всякая ерунда, или это его обостренная годами интуиция, но с самого утра его не покидало ощущение, будто за ним кто-то наблюдает.

Он внимательно приглядывался ко всем в ресторане — и к официантам, и к гостям, — но подозрительных лиц не заметил. Приходилось несколько раз умываться холодной водой, чтобы прогнать наваждение и прийти в себя.

Он привык доверять своему чутью и способности предвидеть опасность — это было результатом многолетних, вольных или невольных «тренировок» отца. Однако он также знал: стоит ему потерять душевное равновесие, как чутье может дать осечку. Этот внутренний конфликт, когда он метался между выводами и попытками опровергнуть их, ссылаясь на собственную нестабильность, выматывал.

«Я сегодня подожду тебя после смены».

Янь Хан улыбнулся, прочитав сообщение от Чу И, пока прятался у мусорных баков за черным ходом отеля, чтобы выкурить сигарету.

Только Чу И мог заставить его улыбнуться в минуты такой тревоги.

«Не слишком скучно?» — отправил он в ответ.

Эти два дня Чу И просидел дома один. В игры он играть не умел, чем заняться за ноутбуком — не знал, поэтому целыми днями смотрел телевизор. Должно быть, совсем изнывал от безделья.

«Мне не скучно. Я ведь могу хоть целый день просидеть на берегу реки».

«Скучал по мне?»

Янь Хан набрал эту фразу, но перед тем, как нажать «отправить», ударил по кнопке удаления. Раньше подобная реплика между ними была бы обычной шуткой, но сейчас... сейчас что-то казалось не так.

Чу И и так вел себя странно, особенно после того вопроса про луну. А учитывая, что сам Янь Хан последние пару дней был не в своей тарелке, он просто не успел толком во всем разобраться. Решил, что с такими вопросами лучше повременить, чтобы не загонять парня в еще большую растерянность.

Он жалел Чу И, очень дорожил им и не хотел, чтобы тот хотя бы на миг огорчился.

«Может, хочешь прогуляться? Пойдем куда-нибудь поедим?»

«Я тебя угощу».

Янь Хан усмехнулся.

«Хорошо».

«Мне нужно кое-что тебе сказать».

Янь Хан посмотрел на экран и лишь через некоторое время ответил:

«Идет. Ты можешь рассказать мне что угодно».

Отправив сообщение, он затушил сигарету, закинул в рот пару жевательных резинок и, жуя, направился обратно.

Реакция Чу И и это необычайно серьезное «Мне нужно кое-что тебе сказать» заставили его задуматься: а что, если его подозрения были верны?

«Янь Хан, ты мне нравишься».

«Кажется, я влюбился».

«Может, я немного влюблен?»

«Мне кажется, я, наверное...»

Чу И стоял перед зеркалом и тяжело вздыхал.

«Янь Хан, ты не находишь, что я сейчас веду себя странно?.. Ты мог бы мне помочь разобраться?»

«Янь Хан, я последние два дня все думаю: а вдруг я... такой же, как Чжоу Чунъян?»

«Может, я гомосексуал».

Чу И нахмурился, внезапно испугавшись смотреть на свое отражение. Он простоял так уже целую вечность, перебирая в голове тысячи вариантов начала разговора, но подходящего так и не нашел. И даже не смог выдать из себя ни слова.

Все его чувства оставались лишь догадками. Он сам очертил для себя рамки, и в них все его мысли и поступки сводились к одному-единственному выводу. Но был ли этот вывод верным? Он не знал, как начать, и еще сильнее боялся того, что ответит Янь Хан.

Будет ли это холодное «спасибо» или просто молчание?

Многие вещи требуют мужества, а его у него никогда не было. Он боялся отказа, боялся непринятия. Его главными навыками всегда были бегство и самоизоляция.

Но мужество... мужество ему давал Янь Хан. Даже решиться сблизиться с ним в самый первый раз он смог лишь потому, что тепло Янь Хана придало ему сил.

Устроиться на работу, уехать учиться в другой город, дать отпор Лян Бину, перестать потакать домашним, отправиться на поиски Янь Хана — все, что было связано с мужеством, было связано с Янь Ханом.

На этот раз он два дня боролся с собой и в итоге решил: что бы ни было, какой бы результат его ни ждал, идти нужно до конца — опять же, ради Янь Хана.

Янь Хан — человек удивительный, он наверняка давно почувствовал, что с ним что-то не так. И раз уж его состояние стало невозможно скрывать, не лучше ли перестать терзаться самому и не заставлять волноваться Янь Хана?

Решено!

Он больше не Щеночек.

Он — Брат Гоу! Настоящий! Брат Гоу!

Он еще раз взглянул в телефон, подтверждая себе, что уже пообещал «поговорить» с Янь Ханом. Пути назад не было, да и другой такой серьезной причины для разговора он бы не придумал.

Пришло сообщение от Янь Хана: можно выходить.

Чу И не раздумывая схватил сумку и выбежал за дверь.

Сейчас были праздники, часов пик не было, но людей на улицах все равно хватало. Он стоял на остановке, неотрывно глядя в ту сторону, откуда должен был появиться автобус. Нервничал, не представляя, как они встретятся лицом к лицу, но при этом жутко хотел поскорее увидеть Янь Хана.

Когда автобус наконец показался, он в нетерпении забыл о манерах и, первым влетев в салон, только внутри осознал абсурдность ситуации: быть первым вовсе не значило приехать быстрее...

Автобус плелся черепашьям шагом — праздничные дороги были забиты машинами. Когда до конца маршрута оставалось чуть больше остановки, зазвонил телефон.

— Алло? — ответил Чу И.

— Я переоделся, — сказал Янь Хан. — Выхожу.

— А я еще нет... еще не доехал, — засуетился Чу И.

— Давай я подожду тебя на остановке, — Янь Хан усмехнулся. — Не спеши.

— Я спешу, спешу! — Чу И посмотрел в окно: в этой части города, где не было достопримечательностей, поток машин поредел, и автобус поехал бодрее. — Я же сказал, что подожду тебя после смены, а теперь это ты меня ждешь, пока я доеду.

— Тогда давай сделаем так... — Янь Хан замолчал на полуслове.

— Что случилось? — спросил Чу И.

— ...Ничего, — голос Янь Хана прозвучал как-то рассеянно. — Я сейчас иду к... остановке. Ты где?

— У супермаркета, — ответил Чу И, чувствуя, как его внезапно охватывает сильное волнение. — Я сойду и побегу к тебе.

— Что? — Янь Хан замер.

Автобус остановился, и Чу И протиснулся к выходу. На улице уже стемнело, людей на тротуаре почти не осталось. Бегом он доберется быстрее, чем на автобусе.

— Я бегу! — сказал он на ходу.

— Ты вышел? — уточнил Янь Хан.

— Ага! — Чу И улыбнулся. Осенний ветер, встретивший его на бегу, принес облегчение, словно внутри него все вдруг прояснилось. — Янь Хан.

— ...М? — отозвался Янь Хан.

Чу И одной рукой придерживал сумку, колотившую его по бедру, а другой прижимал телефон к уху:

— Я прямо сейчас хочу сказать...

— Подожди меня там, — вдруг перебил Янь Хан. — У супермаркета.

— А? — Чу И опешил. — Но я уже... почти прибежал.

Янь Хан перешел дорогу и обернулся. Никого подозрительного, но он был уверен: за ним идут.

Это была не усталость и не нервное состояние — он давно не чувствовал этого острого, ледящего душу приближения опасности.